

Грегори Гойл жил почти счастливо. Он никогда об этом не задумывался в силу своей ограниченности, но в этот конкретный период жизни ему не на что было жаловаться.

Уже около двадцати лет жизнь его вполне устраивала, и он был этому рад. А ему было с чем сравнивать. Грегори Гойл всё ещё помнил всё то дерьмо, случившееся с ним сразу после войны, и прекрасно понимал разницу.

Он смутно припоминал похороны Винса, потому что тогда заливался огневиски до невменяемого состояния под шумок празднования победы. Мало кто знал, что он пил, чтобы заглушить боль потери лучшего друга. Смирившись с тем, что Крэбба больше нет, как нет и светлого, чёткого будущего, к которому его готовил отец, он продолжал напиваться уже от безысходности. До тех пор, пока его впервые не затащили на допрос в Аврорат. И вот, когда он протрезвел в холодной, грязной камере, реальность начала бить его по морде, оставаясь в памяти яркими болезненными вспышками. Навсегда.

Он навсегда запомнил лицо отца во время заседания Визенгамота по его делу. Лицо человека, потерявшего всё в одночасье. Отца, который вдруг перестал быть для сына всесильным.

Самого Грегори переводили из одной камеры предварительного заключения в другую, а затем долго пинали по каким-то кабинетам, но всё-таки отпустили. У него не было метки, а значит, у них не было веских оснований засадить его. Да и зачем? Счета сначала заморозили, а потом перевели в качестве добровольно-принудительного пожертвования на восстановление Министерства. Мать продала родовой особняк, обивая пороги Аврората в попытке скостить мужу срок. С каждым новым переездом их временное жильё становилось всё ущербнее, пока не вмешался Люциус Малfoy.

Он сначала умело сыграл на чувстве благодарности Гарри Поттера перед Нарциссой, а затем устроил брак Драко с Асторией Гринграсс. Люциус потерял должность и много денег, но он избежал заключения в тюрьме и банкротства. Капиталы Гринграссов позволили ему вести прежний образ жизни и отправить Драко учиться в какую-то академию, по окончании которой все дороги были бы ему открыты. Когда Малfoи встали на ноги, Люциус решился помочь старому другу Грегу Гойлу-старшему и его жене. Подкупом Люциус всё же добился досрочного освобождения друга, но к тому времени прошло шесть долгих лет, которые Гойл-старший провёл в Азкабанае.

Грегори помнил, как больного и почти умалишённого отца привезли домой (в ту лачугу, которая теперь была их домом). Помнил слёзы матери и ещё два года агонии, прежде, чем отец скончался. В тот момент Гойл понял, что теперь он ответственен за мать и её благополучие.

Даже без метки найти приличную работу в обновлённой магической Британии было более чем сложно. Он работал разнорабочим в «Горбин и Бэркес», а вечерами участвовал в драках, где на него делали ставки. Ему нравилось биться, особенно маггловским способом. Он часто побеждал, и это приносило дополнительный заработок, но даже проиграв, не расстраивался сильно. Ссадины и ушибы легко лечились магией, а вот процесс их приобретения оказался странно-приятным. Ощущая чужой кулак на своём свежесломанном носу, Грегори Гойл чувствовал себя свободным. В минуты драки не было ничего — только он и его противник.

Простое «кто кого», любым способом, который не был против правил. Не было мыслей о матери и осознания просранной жизни, не было воспоминаний об отце, о войне, не было лица Винсента Крэбба перед глазами за секунду до того, как он упал в адское пламя. Только адреналин в крови, металлический вкус во рту и блаженная свобода от убогой реальности.

Так продолжалось какое-то время, пока однажды в сомнительной лавке Лютного переулка не появился Драко Малфой.

Гойл слышал новости о Малфоях и даже ходил вместе с матерью на похороны Люциуса: в знак памяти, уважения и благодарности. Он не видел Драко в тот день, но особенно над этим не задумывался.

И вот теперь одетый с иголки блондин смотрел ему в глаза и улыбался той своей редкой фирменной ухмылкой, которая в Хогвартсе предназначалась только «своим»...

После той встречи Грег так и не вернулся ни в лавку старика Горбина, ни в бойцовский клуб Лютного. Вместо этого филин Драко принёс ему мешочек с галлеонами и свёрток с деловым костюмом. Когда-то младший, а теперь единственный Малфой предложил ему заниматься тем же, что Гойл семь лет делал, пока они учились вместе. Быть его телохранителем.

* * *

Грегори Гойл жил почти счастливо. Он никогда об этом не задумывался в силу своей ограниченности, но в этот конкретный период жизни ему не на что было жаловаться.

Уже около двадцати лет жизнь его вполне устраивала, и он был этому рад. Жалование позволяло содержать больную мать и оплачивать сиделку из Святого Мунго. Всего через три года работы на Драко он смог позволить себе приличный дом.

В последнее время он редко бывал дома, обычно только на ночь и только тогда, когда его сменял обученный аврор из министерской охраны. Большую часть времени он проводил в Мэноре и чувствовал себя членом очень странной обеспеченной семьи.

На утреннем обходе территории поместья он услышал странное копошение у живой изгороди. Грязно-рыжая шерсть показалась у идеально стриженного верескового куста, а затем раздался жалобный звериный вой. Гойл подошёл ближе и увидел раненое животное.

Очевидно, кот снова подрался, что было не редкостью, но сейчас он выглядел гораздо хуже, чем когда-либо. Кровь заливала шею животного, а рыжая шерсть превратилась в багровый слипшийся колтун. Грегори побаивался этого полукнизла, зная его характер, но сейчас он понимал, что коту необходима помощь. Охранник склонился над ослабленным зверем, а затем понёс кота к поместью.

Драко спустился после сообщения домового эльфа и стал осматривать Живоглота:

— Снова дрался с собаками?

— Я не видел, нашёл уже в таком состоянии.

— Глупый старый книзл... — Драко достал палочку и прошептал заклинание. — Вулнера санентур.

Свет вспыхнул на кончике его палочки и исцелил рану на шее животного, но Живоглот всё ещё выглядел неважно, издавая жалобное мяуканье.

— Почему ему не лучше?

— Боюсь, ты нашёл его слишком поздно, Грег. Он потерял много крови, и ему всё ещё больно.

— Может, позвать кого-то?

— Гермiona на собрании, и, наверное, это даже к лучшему. Её кот слишком старый, чтобы оправиться. Возможно, он специально лез в эти передряги, чтоб уйти красиво.

— Не очень-то красиво...

Драко погладил Живоглота и аккуратно положил руки ему на шею. Раздался тихий хруст — и через секунду кот был уже мёртв.

— Скажи эльфам, чтобы нашли красивый ящик и закопали его в саду. — Он очистил руки заклинанием и направился к выходу. — Гермiona захочет попрощаться.

<http://erolate.com/book/3451/82962>